

Вечная схватка Скорби и Долби...

Журнал «Эксперт Казахстан», 2011, № 10

«Это доктор Скорби? Вас беспокоит Долби из отдела информации» - с этих слов начинается специальный сюжет, посвященный взаимоотношениям бюрократии и науки во всемирно известной книге «Закон Паркинсона». Скорби - умный, но бедный проситель. Долби - богатый, но тупой жмот. Скорби стремится увлечь Долби идеями. Долби требует от него понятных результатов. Скорби жалуется на недостаток финансирования. Долби в ответ призывает его зарабатывать деньги самому. Скорби требует создания условий для научного творчества. Долби отвечает ему увеличением контролирующих и координирующих «наднаучных» бюрократических структур.

Тупики научной политики

Казахстанскому специалисту по истории и проблемам организации науки так и хочется воскликнуть: «Да это прямо про нас!». Такой же возглас просится на язык его коллеге в любой стране. И везде симпатии общества, конечно же, на стороне Скорби. А вот это, на мой взгляд, не справедливо, по крайней мере - не совсем правильно.

Во все времена и во всех «научно значимых» странах наука плохо дружила с рынком. Отмечались, конечно, в этом правиле и корпоративные, и индивидуальные исключения. Достаточно вспомнить Маркони, Эдисона, Теслу. Однако большинство ученых были и являются плохими продавцами своей продукции. К тому же, значительная часть этой продукции не продаваема: результатам некоторых фундаментальных исследований прогнозируется спрос, отложенный на десятки лет.

Казалось - бы, чего проще - отправь прикладную науку в рыночное плавание, иногда компенсируя ее «коммерческую наивность» управленческой помощью и государственным заказом, а фундаментальной науке обеспечить достойное бюджетное финансирование под знаменем вложения государственных капиталов в будущее нации. Однако это предельно понятная схема ни в одной общественной схеме не работает. Острая полемика Скорби и Долби не прекращается ни в США, ни в странах Западной Европы, ни в Японии. Везде наука обвиняет государство в невнимании к себе, везде государство обвиняет науку в иждивенческих настроениях.

Если же посмотреть на все это без устоявшихся ценностных клеше, то выяснится, что не так жаден Долби, а Скорби не так прост. Просто Долби объективно отстаивает более широкие общественные интересы, а Скорби, выступая под лозунгом общественного блага, не забывает об интересах корпоративных.

Беда Долби в отсутствии у него надежной системы оценки эффективности и качества научных проектов. И в этом же сила Скорби. Последний продает товар, в котором Долби мало что понимает. Чтобы разобраться, он привлекает консультантов из среды того же Скорби, у которых научная добросовестность в разной степени сочетается с отнюдь не альтруистической мотивацией. На попытки всучить ему гнилой товар Долби реагирует привычными ему бюрократическими реорганизациями.

А дальше все идет по кругу. Казалось бы, внешне безупречные организационные решения наталкиваются на несовершенство, недобросовестность, субъективизм научной экспертизы.

Форма никак не может одолеть содержания. Как бы мне хотелось, чтобы этой вечной фатальной участи избежала новая научная политика Казахстана и вводимый ею новый механизм финансирования науки!

Однако это большая проблема находится за рамками темы моей статьи. Теме статьи адекватен другой аспект казахстанских реформ науки - делящиеся уже несколько лет попытки пристроить основной научный кадровый и материально-технический потенциал в систему высшего образования.

Уроки истории

В дореволюционной России, как и в большинстве стран мира, наука развивалась, преимущественно, в университетах. Одновременно существовала и обладала исключительно высоким статусом Академия наук. Как и в других странах, Российская Академия не имела своих институтов или каких-либо предприятий, а представляла собой собрание элиты научного сообщества. Однако, в отличие от других стран, Академия наук в России была еще с петровских времен фактически государственной структурой. Академики имели довольно высокую степень профессиональной свободы, кооптировали в свои ряды новых членов тайным голосованием, но возглавлял Академию либо высокопоставленный царский сановник, либо монарший фаворит, либо даже член августейшего семейства.

Советская власть уже в первые годы своего существования поняла, что Академия наук может стать отличной площадкой для организации науки по понятному большевистским идеологам производственно-цеховому принципу. В результате АН СССР, ее отделения, а затем АН союзных республик превратились в некий гибрид научного ареопага и министерства науки. Избрание в академики было высшей статусной оценкой ученого и, вместе с тем, Академия наук СССР и республиканские академии являлись государственно-управленческими структурами, подразделения которых не только координировали и направляли, но и непосредственно делали науку.

Тем не менее, монополизировать научные исследования Академии не дали. С конца 20-х годов прошлого века в советской науке образовались три сектора- академический, отраслевой и вузовский. При этом, важно заметить, что между секторами не было совершенно четкого распределения фундаментальных и прикладных уровней науки. Академические учреждения нередко решали прикладные задачи, а отраслевые выходили на фундаментальный уровень исследований. Советское государство, кстати сказать, поддерживало в науке, в отличие от других отраслей, достаточно сильную конкуренцию: по судьбоносным проектам, например, в ядерных вооружениях, атомной энергетике, авиастроении всегда создавались конкурирующие команды. Но при всем при этом, вузовскому сектору науки была во всей советской истории отведена роль самого слабого - и по кадровому потенциалу, и по материальным ресурсам, и, соответственно, по продуктивности.

Идея вернуть ядро, лучшую часть науки под крыло университетов или, по крайней мере, повысить роль университетов в науке, стала робко обсуждаться еще в последние годы существования СССР, когда все больше обнаруживала себя неэффективность организации научной отрасли. Она выражалась во все более низкой доле СССР в производимой в мире наукоемкой продукции при самой большой на планете численности научных работников.

Во весь же рост проблема объединения академического, вузовского и отраслевого научных секторов под институциональной эгидой образования встала уже в первые постсоветские годы. При этом корни проблемы лежали не столько в стремлении заимствовать международный опыт, сколько в сложившейся реальной ситуации.

В административном полете

Из всех компонентов интеллектуальной сферы казахстанского общества наука испытала наибольшие трудности в адаптации к условиям независимой государственности и рыночной экономики. Научный комплекс республики обнаружил в новых условиях гораздо больше, чем система образования, болевых точек. Намного болезненней оказался для науки распад единого экономического пространства. В бывшем СССР наука, в отличие от образования, была гораздо более «ведомственной» нежели «республиканской».

К этим «пережиткам прошлого» добавились пагубные для национального научно-технического развития факторы, связанные с действиями новых, рыночных сил. Научные коллективы Казахстана очутились в крайне невыгодной конкурентной среде, не огражденные даже минимальным государственным протекционизмом перед мощной экспансией технологического импорта. Не существовало сколь-нибудь эффективной системы защиты интеллектуальной собственности. Наконец, востребованность научного потенциала в транзитном казахстанском обществе оказалась гораздо ниже, чем потребность в образовательных услугах.

Руководство молодого государства предпринимало энергичные усилия для того, чтобы сохранить научные силы страны. В первые годы независимости государственная научная политика определялась попытками административно решить проблемы финансирования науки. При этом главным объектом государственной поддержки была Академия наук. В июле 1990 года, марте 1991 года, апреле 1992 года принимались специальные правительственные постановления по улучшению материально-технического обеспечения АН Казахстана.

Однако, с годами становилось все более ясно, что Казахстану не под силу сохранить «советские» объемы научного потенциала. Тем более, что различные составляющие этого потенциала имели далеко не одинаковую ценность. Советская наука, как и советская экономика, несла в себе немало балласта.

Разомкнутые объятия

С 1996 года государство встало на путь решительного и радикального реформирования управления наукой. 11 марта 1996 года Президент Н.А.Назарбаев подписал Указ «О мерах по совершенствованию системы государственного управления наукой в Республике Казахстан». Этим указом создавался новый исполнительный орган в составе Правительства Республики Казахстан – Министерство науки – Академия наук РК. Он объявлялся единым органом государственного управления в сфере науки и техники, реализующим государственную научно-техническую политику и осуществляющим финансирование целевых программ фундаментальных и прикладных научных исследований на конкурсной основе с применением независимой государственной экспертизы.

Формально Министерство науки – Академия наук являлось структурно-функциональным объединением Министерства науки и новых технологий, НАН РК и Казахской академии сельскохозяйственных наук. Фактически это было компромиссное решение, ставившее целью централизовать государственную поддержку и государственное регулирование науки, сохранив присутствие (или видимость присутствия) академического демократизма. Как и любое компромиссное решение, оно оказалось недолговечным. После президентских выборов 1999 года в новое Правительство РК вошло Министерство науки и высшего образования.

Менее чем через год произошла новая реорганизация и научный комплекс стал прерогативой Министерства образования и науки. Все сохранившиеся академические институты оказались под одной ведомственной «крышей» с учебными заведениями.

В марте 2003 г. Национальная Академия наук была преобразована в республиканское общественное объединение. В глазах общества, тем не менее, членство в НАН осталось

свидетельством высшего признания научных достижений и главным индикатором принадлежности к научной элите.

Появились надежды, что вузы станут теми долгожданными «буксирами», которые вытаскают академические институты с рыночных «мелей». Заодно предполагалось, что академические ученые смогут гораздо лучше своих вузовских коллег приобщить студентов к настоящему научному поиску, сделать исследования неотъемлемым и постоянным атрибутом учебного процесса.

Реальность, однако, оказалась гораздо сложнее. Вузовские кафедры просто «физически» не могли проглотить предполагавшееся огромное пополнение из академических институтов. К тому же академические ученые свысока смотрели на вузовских: у них было гораздо больше научных публикаций и прочих фиксированных достижений, что, с другой стороны, естественно, ибо наука была их основным занятием. Привыкнув к тиши академических кабинетов, к свободному режиму работы (1-2 «явочных» дня в неделю), они явно тяготились текучкой учебно-воспитательного процесса.

Проведенные как раз на пике обсуждения интеграционистских идей, в 2006 году, исследования BISAM, показали, что против объединения усилий академических и вузовских коллективов на постоянной институциональной основе выступили около двух третей преподавателей и ученых, в том числе 83% респондентов, представлявших научно-исследовательские институты, и 52% респондентов из вузов.

Организационные слияния по модели «научно-исследовательский институт при университете» были единичными. Ведомственная общность не помогла. С начала 2000-х годов началась активная приватизация государственных вузов. Новоявленные АО не горели желанием принимать в свою структуру хронически не рентабельные академические учреждения. Не рвались в объятия друг друга и академические институты с национальными университетами.

Новая панацея

И вот сегодня появилось новая организационная панацея - исследовательские университеты. Академические учреждения с их грузом традиций решено, судя по всему, на очередной круглой инновационный маршрут не брать.

В принципе, вести научные исследования и организовывать исследовательскую деятельность должен любой университет. Это всегда было четко закреплено и в национальных законодательствах, и в международных декларациях и соглашениях. Однако в исследовательском университете осуществляется не только процессная, но и институциональная интеграция обучения и исследований. Иными словами, учебные и научные учреждения предлагают себя и рынку, и бюджету, и научным фондам «в пакете». Отличием исследовательского университета является также высокая количественная доля и структурный приоритет магистерских и докторских программ в сравнении с программами бакалавриата.

Казахстан до сих пор шел по всем направлениям научно-образовательных реформ впереди всех стран СНГ, особенно России, которая до сих пор практику образовательных грантов толком не внедрила, советскую систему аттестации научно-педагогических кадров не отменила, а Академию наук продолжает держать на государственном довольствии. Но вот во внедрении категории исследовательского университета Казахстан отстал. В России уже более 20 вузов на основе специального конкурса получили статус исследовательских университетов. В Казахстане же только в феврале 2011 года категория «исследовательский университет» нашла законодательное закрепление. В Законе РК «О науке» устанавливается, что в обмен на

обеспечение интеграции научной деятельности и учебного процесса на всех уровнях обучения исследовательский университет получает значительную автономию в определении содержания образования, в комплектовании контингента обучающихся, и будет финансироваться по специальной правительственной программе.

При таком подходе сразу же возникла угроза применения до боли знакомой технологии «Я его слепила из того, что было, а что получилось, сразу полюбила». Покупка новой мебели может быть заменена перестановкой старой.

Уже сегодня пресса и интернет пестрят выступлениями ректоров различных вузов, которые на голубом глазу утверждают, что как раз их университет и есть исследовательский. Появляется риск, что новая форма в очередной раз будет приклеена к старому содержанию.

Чтобы этого не случилось, важно понять суть и смысл исследовательского университета. Что это, прежде всего, - форма повышения эффективности и коммерческой отдачи науки или способ реально обеспечить опережающий характер образования по отношению к производству и технологиям? Напрашивающийся ответ- «и то, и другое»- не годится, ибо в этом случае мы получим очередную аморфную и всеядную концепцию.

Образование через исследование

На мой взгляд, в идее исследовательского университета должен выйти на первый план именно образовательный аспект. Мне представляется, что исследовательский университет- это не традиционное «вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу», это даже не «образование плюс исследование». Это- образование через исследование. Но с одним исключительно важным условием: сами исследования, осуществляемые университетом, должны быть реальными, востребованными, а главное - должны находиться на переднем крае науки.

Исследовательский университет не значит, что студент «учится у ученых». Он работает вместе с ними. Курсовые, дипломные, прочие самостоятельные работы должны выполняться в рамках большого, реального, передового научного проекта. Иными словами, исследовательский университет-это вуз, в профессорско-преподавательской среде которого сформировались сильные, международно признанные научные школы, и студенты включаются в эти школы, варятся в их соку с первых дней обучения. Студенты исследовательского университета получают возможность находиться в мире самых передовых научных, технологических, социальных и бизнес идей, общаться непосредственно с авторами этих идей, быть самым причастным к их разработке и работать на новейшем, существенно опережающим текущие производственные стандарты, оборудовании.

При словосочетании «исследовательский университет» у меня возникают ассоциации не с Гарвардом или Стенфордом, а с Московским физико-техническим институтом и Новосибирским государственным университетом периода их расцвета. Исследовательская природа, а точнее сказать - исследовательская элитарность Московского Физтеха была персонифицирована в личности великого ученого и, одновременно, великого педагога Льва Давидовича Ландау. Знаменитая «система Физтеха» превращала учебу в тяжкий труд (не все его выдерживали, отсеб был огромный), но, вместе с тем, в беспрецедентно увлекательный исследовательский процесс.

Новосибирский государственный университет был (и пока еще является), пожалуй, единственным в мире учебным заведением, где не наука встроена в образование, а образование в науку. Организационно университет принадлежит Сибирскому отделению Академии наук. Все специальные и часть общенаучных кафедр действует не при, а

непосредственно в составе научно-исследовательских институтов знаменитого Академгородка.

НГУ до последнего времени всеми силами защищался от массовизации образования, не допускал увеличения численности студентов свыше 4 000 человек. На 90% студенческий контингент формировался из учащихся знаменитой Физико-математической школы (ФМШ) имени академика Лаврентьева, созданного более полвека назад прообраза многих подобных учебных заведений, включая создающиеся сейчас в нашей стране Назарбаев интеллектуальные школы. В Лаврентьевской ФМШ преподавали ведущие ученые университета. Школа искала таланты по всему Советскому Союзу, а до недавнего времени – по всему постсоветскому пространству, и сразу же окунала своих питомцев в исследовательскую деятельность, параллельно осуществляя отбор креативно мыслящих студентов. К сожалению, сохранение уникальной модели НГУ оказалось сегодня под вопросом, прежде всего - в силу ослабления материального и кадрового потенциала, а затем - в силу политических причин. МОН РФ лишило НГУ каких-либо привилегий в отборе студентов, и учащиеся ФМШ сдают пресловутый ЕГЭ на общих основаниях. И тем не менее, и в Физтехе, и в НГУ сегодня сохранилось то, что можно было бы назвать особой ментальностью исследовательского университета.

Не только по букве, но и по духу

К нам, однако, идея исследовательского университета пришла с Запада, поэтому повернемся к западным образцам.

В опусах некоторых наших ректоров, торопящихся заявить о соответствии своих вузов статусу исследовательских университетов, приводятся подозрительно повторяющиеся цифры о том, что в США 260 исследовательских университетов, в Германии и Великобритании по 70. Российские авторы пользуются источниками с несколько более скромными цифрами, утверждая, что в США 100 исследовательских университетов.

Почувствовав что-то не то, я выяснил, что в Великобритании всего то 60 университетов, и 70 исследовательских в их числе никак быть не может. И вообще, в странах Европы не оперируют понятием «исследовательский университет» как официальной или даже формальной категорией. Что касается США, то в этой стране существует давнее равнодушие к бюрократической легитимации статусов. Классифицирующее понятие «исследовательский университет» здесь не столь давно вошло в обиход. Оно призвано заменить во все более демократизируемом общественном сознании понятие «элитный университет».

У американцев прослеживается два подхода к пониманию исследовательского университета. Расширительный подход относит к ним все университеты, в структуре которых действуют научно-исследовательские подразделения и в которых значительную, если не большую часть контингента составляют слушатели магистерских и докторских программ. Таких университетов можно действительно насчитать в районе 100. Более узкий подход относит к исследовательским университетам действительно элитные вузы, где студенты в процессе обучения включены в большую науку, которая в Соединенных Штатах, как правило, поддерживается большим бизнесом. Число таких университетов уместается в двадцатку, и все они на слуху во всем мире - Гарвард, Стенфорд, Йель, Джорджтаун, Дьюк и т.д.

Думается, нам целесообразно следовать второму подходу. И пусть еще лет пять у нас не будет статусно оформленных исследовательских университетов вообще, пусть идет подготовка к этому статусу, а затем появятся 1-2 вуза, которые будут отвечать званию исследовательского университета не только по букве, но и по духу. Тогда мы избежим того, чтобы в очередной раз форма дискредитировала содержание.

